

БЕЛИНСКИЙ, Виссарион Григорьевич [30.V(11.VI).1811, крепость Свеаборг, ныне -- Суоменлинна, Финляндия -- 26.V(7.VI).1848, Санкт-Петербург] -- критик. Отец Б.-- флотский врач; в 1816 г. он вышел в отставку и поселился в г. Чембар (ныне -- г. Белинский) Пензенской губ. Детство будущего критика прошло в этом глухом уголке русской провинции, учился он сперва в местном уездном училище (1822--1824), затем в Пензенской гимназии (1825--1828), в 1829--1832 гг. был студентом Московского университета. В 1830 г. Б. написал романтическую драму "Дмитрий Калинин" о трагической судьбе крепостного интеллигента и представил ее по наивности в Московский цензурный комитет, состоявший из профессоров университета во главе с ректором. Профессора пришли в ужас от такой пьесы, запретили ее, запомнили крамольного автора и постарались при первой же возможности (Б. по болезни попросил перенести экзамены на осень) в сентябре 1832 г. исключить его из университета "по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей" (Литературное наследство.-- М., 1950.-- Т. 56.-- С. 401).

Два года Б. вел тяжелейшую полуголодную жизнь журнального поденщика (мелкие переводы, компиляции). В сентябре 1833 г. Б. сблизился с литератором Н. В. Станкевичем (который дал ему ставшее крылатым имя "неистового Виссариона"), вошел в его кружок, где были заметны поэты И. П. Ключников, В. И. Красов, К. С. Аксаков. Позднее к кружку примкнули М. А. Бакунин, будущий революционер-анархист (1836), В. П. Боткин (1835), М. Н. Катков (1837). Станкевич оказал большое влияние на Б. своей глубокой и гармоничной натурой, впервые познакомил его с немецкой философией, прежде всего -- с учением Ф. Шеллинга; особенно важно было для друзей представление о наличии всеохватной целостной идеи и о превосходстве искусства над наукой. Понятие всеобщей идеи помогло позднее Б. освоить гегелевский "абсолют" и научило его типологизировать общественные и литературные явления, а также возводить до общеполитического смысла и значения личные чувства и поступки (последнее ярко отразится в многолетней переписке Б. с Бакуниным и Боткиным). В кружке культивировались любовь и внимание к ближнему, духовное и нравственное самоусовершенствование, углубленное изучение эстетики и художественной литературы. Характерны были высокая оценка Н. В. Гоголя, прохладное отношение к позднему Пушкину, ирония по адресу эпигонов романтизма (Н. В. Кукольника, А. А. Бестужева-Марлинского, В. Г. Бенедиктова, А. В. Тимофеева). Вскоре эти суждения будут развиты в статьях Б.

С 1833 г. Б. стал сотрудником, а с 1834 г.-- помощником своего бывшего профессора Н. И. Надеждина, редактора журнала "Телескоп" (1831 -- 183G). В еженедельном приложении к "Телескопу" -- "Молве" Б. дебютировал в 1834 г. своей первой значительной статьей (фактически -- цикл из 10 статей) "Литературные мечтания".

В этой ранней статье уже ярко проявились характерные черты Б.-критика: максимализм, суровая, повышенная требовательность к анализируемым произведениям в свете идеала. Основным признаком, по которому определяется ценность произведений,-- *народность* литературы. Для народности мало "простонародности", изображения сцен из жизни "низших слоев", необходима "целая идея народа" (Т. I.- С. 92), а высшие сословия оторвались от народной жизни, подражают чужим культурам; им необходимо сближение с народом. Поэтому и возникает максималистский тезис статьи, несколько раз повторенный; "У нас нет литературы".

С точки зрения народности Б. предпринимает исторический обзор русской литературы и выделяет четыре периода: Ломоносовский, Карамзинский, Пушкинский, новый. Интересно, что современный, послепушкинский (а Пушкин еще был жив!) период не получает имени главы. Первые два периода рассматриваются как лишённые истинно народной литературы (лишь Державин подготавливал таковую), да и Пушкинский этап в этом отношении автор не очень-то жалуется. Все надежды Б. возлагает на новый период, когда, наконец, народность станет "альфой и омегой".

Критический метод юного Б. еще романтический и идеалистический: литературные явления рассматриваются не столько в их реальных взаимосвязях и в их реальной ценности для своего времени, сколько с позиций теоретического нормативного идеала. Но уже в первой статье зрели зерна историзма: критик исследует творчество Жуковского и Батюшкова не только как предшественников Пушкина по времени, но и как поэтов, подготовивших его появление (эта идея потом будет подробно развита в цикле статей о Пушкине). Так элементы историзма впоследствии привели Б. к реалистическому методу.

Следующим этапом в развитии критика оказалась большая -- тоже обзорная -- статья "О русской повести и повестях г. Гоголя ("Арабески" и "Миргород")" (1835). "Литературные мечтания" создавались при главенстве идеи народности, вторая статья -- под лозунгом *действительности*. В "Литературных мечтаниях" сама верность действительности как бы вытекала из принципа народности: "...наша народность состоит в верности изображения картин русской жизни" (Т. I.-- С. 94). Во второй статье, наоборот, истинность приводит к народности: "...если изображение жизни *верно*, то и *народно*" (Т. I.-- С.295; здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам).

Благодаря этому принципу ("пафос действительности") Б. впервые разделил литературу на две